

16 +

КОНКОРДИЙ

ОСКОПЛЕНИЕ

МИРА

16+

Конкордий
Оскопление мира

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Конкордий

Оскопление мира / Конкордий — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Сказания об Аурелии добираются до рыбака Борха и становятся проклятием для его же дочери. Упадок мира заставляет насильно тащить дочь Этику в рыбацких сетях подальше от Пифонии – государства жестоких законов. Сопротивление Этики рыбак умиряет скорбью и доводом жестокой руки: он есть отец и тот, кто полагает, что сможет излечить оставленную жену и других родичей, когда доберется до загадочного места и найдет лекарство от развращённого мира. Руины технологического сада и цивилизации Отцов – пыль под сандалиями простодушного рыбака. На обложке "Портрет Симонетты Веспуччи" Пьеро ди Козимо.

© Конкордий, 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	6
Акт 1	7
Сцена 1	7
Сцена 2	10
Сцена 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

БОРХ, рыбак.

ЭТИКА, дочь его.

ТЕБРУН, портной мира.

ФЛАМЕЛЛИЯ, искра войны.

ХИЛЬД, укротитель толп.

ГЛОРИЙ, анатом и подражатель.

ДИР, прокаженный.

КУЗНЕЦ СЛОВА, рассказчик.

ИДОЛ РОДА.

ИДОЛ ПЕЩЕРЫ.

ИДОЛ РЫНКА.

ИДОЛ ТЕАТРА.

ЗЕЛЬЕВАР.

ТОЛПА.

РАБЫ.

РЫЦАРЬ ПАРТИИ.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ.

Пролог

Кузнец слова выходит из тени на свет.

КУЗНЕЦ СЛОВА. Полуденная тень напомнила мне о бобах – тогда вкусил я прах героя. Горошина есть целый мир, воспоминания о многом. Тот странный вар бобы представил в новом свете – все так сложилось в мысли, что вкус напомнил путешествия преклонных почти лет, улыбку на песке, что сам страж времени оставил в назидание слепым и зрячим. Прах удобряет многие уголья, витает в воздухе, на площадях царит, в вине он растворен и опьяняет, как опьяняло чувство близкого конца всех гордых и трусливых, кто перед битвой съел рой пчел для ярости незримой. Днем раньше толпа пинала старика за молодость и силу, когда он смел служить и поклоняться фаллосу и страсти, когда война всех поглощала в пасти. Я смог отгородить зверей от тех седых волос, но как увидел его мутный взгляд – там видел прах героя. Но я тогда не различал.

Кузнец слова бросает книгу на пол.

КУЗНЕЦ СЛОВА. Мне горсть бобов, возвращенных прахом, надежду растворила на ценность книги и того, что может отражать страница. Видение вернуло прошлый крик, где при свечах, во тьме, кормил я страх. Чья-то тень на темном фоне пыталась что-то рассказать. Ребенок видит в этом ужас, а зрелость говорит: «Там был герой, рыбац. Он призывал в глубины погружаться. Чудовища морские, смерть? Но Борх смеялся так, что обезумел!»

Кузнец слова наступает на книгу и выпивает эликсир.

КУЗНЕЦ СЛОВА. Кто против мира восстает, тот в смутные и темные пещеры идет играть на струнах. Таким был Борх! Рыбак. Простое сердце. Струн рыбак не знал, а только сети в море опускал. Эпоха миновала, никто не скажет точно, где мастера, которые укрыли лучшим шелком память об устройстве мира, которым предки овладели. Рыбак – он темен. Зачем ему такое знать? Но море всякий раз не устает нас удивлять. Заснем во время шторма, упившись бочкою вина и море нам расскажет: мир порождает сам себя, бросает нас в пищеварение, он дышит, испускает кровь, имеет душу зверя-божества. Борх это слышал у костра, дрожал от холода во время шторма, но время ясности дало указ – молчать до самого момента, когда созреет ум и сила.

Он садится, закуривает.

КУЗНЕЦ СЛОВА. Мир загнивал. Простой рыбак не стал терпеть – восстал! Схватил он дочь за руку и потащил с собой на край, чтоб юность уберечь. Борх опустил плечо и голову, отчаяние принялось искать топор, но память возродила слово, обратила в силу, и выющиеся волосы впитали пыль со всех дорог. Бобы питались прахом этого героя. Как он попал в мой вар? Узрите.

Акт 1

Сцена 1

*Подступы к границе. Состояние: пищеварение.
Борх тащит Этику в сетях. На шею у него коренья.*

ЭТИКА (истерично). Отец! Как посмел оторвать меня от дома! Там ждем меня Лоренцо. Нас ждет свадьба.

БОРХ. Познаешь горе с этим кузнецом.

ЭТИКА. Вот что уготовил мне? Сеть и рыбы потроха?

БОРХ. Я выбираю это зло для дочери, чтобы уберечь от гнета большего и зла другого.

ЭТИКА (выпучивается). Куда ты меня тащишь?

БОРХ. Мы покидаем Пифонию. Идем искать дороги, которые нас приведут в Аурелию.

ЭТИКА. Наша семья осталась без тебя! Там все погибнут!

БОРХ. Твоя безумная мать может все растратить – это правда. Но будем ли надеяться, что этого не будет?

Этика останавливается и смотрит на отца с испугом.

ЭТИКА. Что случилось с рыбаком? Что стало с отцом?

БОРХ. Пифония обернулась обжигающим огнем для тех, кто все еще здоров и ищет справедливость. Если не уйдем – к нам в дом придут, тебя отнимут. Меня подвешат вверх ногами, а пыталыщик разложит кишки так, что каждый сможет рассмотреть.

ЭТИКА. Как можешь ты считать себя здоровым, а нашу всю семью похоронить, если пал жертвой сказки? Старинные рассказы у костра будут спасать кого?

БОРХ. Нам нужно отыскать лекарство до времени, когда болезни так охватят мир, что...

Этика набрасывает сеть на отца и пытается бежать в слезах. Борх хватается за дочь.

ЭТИКА. Лишаешь меня жизни!

БОРХ. Посмотри, родная дочь. Своих детей ты обречешь! Нас обошли болезни. Ведь это знак.

ЭТИКА. Какой из знаков?

БОРХ. Живых. Один из них.

ЭТИКА. Аурелия – пустое путешествие. Её ведь нет.

БОРХ. Там обитают люди Золотого Века. Они подскажут нам лекарство.

ЭТИКА. Ты болен. Отпусти меня.

БОРХ. Прости, что твое платье в потроха измазал. Ты мне поможешь, дочь?

ЭТИКА (поднимается). Нет. Возвращайся в море. Меня верни обратно.

БОРХ. Я не похититель. Можешь возвращаться, только увидишь снова фурий в твоём доме. Брак твой начнет быстро гнить, как лодка рыбака. Лоренцо – кандидат женской натуралии. Тебе бы мужество искать.

ЭТИКА. Я не безумного отца спрошу о браке и любви.

БОРХ (отбрасывает сеть). Нашу семью накрыло облаком, как тысячи семей, они желают одного – порока. Не мы спасем своих родных, то кто возьмется?

ЭТИКА. Какое ты намерен находить лекарство?

БОРХ. Здоровье, равновесие. В их душах шторм и буря, нам нужен штиль.

ЭТИКА. Ты невозможен!

БОРХ. Однако, это я.

ЭТИКА. Я все равно сбегу.

БОРХ. Чем обречешь себя и опечалишь своего отца.

ЭТИКА. Всех посчитал больными. Свои болезни излечи.

БОРХ. Я болен только тем, что раньше не вникал в истории.

ЭТИКА. Мои друзья! Мои родные. Лоренцо сам меня найдет.

БОРХ. Он трус. Таких видал немало. Поэтому оставь все мысли об этом сорванце.

ЭТИКА. Все трусы у тебя, кто не рыбак и в море не выходит.

БОРХ. Нет жил суровых на руках – там нет упорства, воли и...

ЭТИКА. Уродства!

БОРХ (смех). Так мила, но в гневе. Кривляний здесь не нужно.

ЭТИКА. Отец назвал меня уродливой!

БОРХ. Самая прекрасная из дочерей.

ЭТИКА. Плевков ты заслужил.

БОРХ. Обычай рыбаков: они детей бросают в сети и опускают в море. Закалка духа. Тебя я опускать не стал.

ЭТИКА. Наслышана о сожалениях. Хотел бы сына, но так распорядилось море: женщина пришла испортить, спутать всю игру.

БОРХ. Не слушай этих слов, их говорит смутьян и деспот. Он иногда является во мне.

ЭТИКА. Он сейчас меня похитил.

БОРХ. Тебе бы лучше волосы распущенные спрятать. (Достает нож). А лучше вовсе срезать.

ЭТИКА (выбивает нож). Прибереги свои ножи для остальных. Я волосы не буду прятать.

БОРХ. Мы подбираемся к границе, там стражи жадные до девок. Известные своими мерзкими повадками. Не распускай и сохрани. Не хочешь отрезать...

Борх отрезает кусок сетки и отдает.

БОРХ. Спрячь локоны в сети.

ЭТИКА. Но запах!

БОРХ. Других предосторожностей не знаю.

ЭТИКА (прячет волосы). Ради матери и остальных я полпути пройду с тобой. Но если не найдешь лекарства, то заплатишь...

БОРХ. Твои условия смешны, когда мы говорим о деле. Лекарство ждет, нам только на дороги встать, оно само найдет.

ЭТИКА. Представляешь мир, как очарованный. Он не таков.

БОРХ. Тогда каков он?

ЭТИКА. Жестокий, грязный, лживый...

БОРХ. Не повод ли восстать?

ЭТИКА. Не в одиночку.

БОРХ. Ты со мной. Этика мне помогает. В отчаянии обними, и мы продолжим путь. Никто тебя не тронет, если рядом я.

ЭТИКА (обнимает). Отец, взгляни назад и вновь подумай. Откуда затаилась сила, что заставляет тебя верить в миф? Истории беззубых, харкающих предков? Ты им готов вверить мою жизнь?

БОРХ. Взгляни же, дочь, назад и ужаснись. Зло на троне, не стесняясь, корчит лица и этим многих забавляет: и королей, и слуг, и самых благородных. У них ведь есть тот самый

камень под ногами, который может оказаться хитрым случаем. Когда же благородный пал и растерял свои достоинства как зубы, что станет с теми, кто еще живет ясным взглядом и дышит чистым воздухом, находясь в клоаке?

ЭТИКА. Как долго ты это терпел, отец! Почему сейчас? В момент моей любви и брака? Кем стану я, не будучи замужней?

БОРХ (гладит волосы). Моя дочь. Дочь рыбака. Границ для такой нет, хоть встретишь стены. Вернешь себе любовь, мы должны спасти нашу семью. Терпел, ведь был в тяжелом сне, и лодка наполнилась водой. Теперь она полна.

ЭТИКА. Слова... Нас ждут опасности.

БОРХ. Оставаясь в прежнем виде, дом раздора и безумств нас поглотит. Но там же, на дорогах, есть надежда. Мы найдем Аурелию. Там есть лекарства.

Этика садится на колени в горе.

ЭТИКА. А если погибнешь?

БОРХ. Мы зачали тебя с матерью во время шторма. Ветра тебе подскажут, как продолжать и что искать.

ЭТИКА. Вспоминаю случай, когда вернулась поздно, а ты сидел и рану укрывал от глаз. Сказал, что лодку что-то бросило на море, и ты ударился так сильно, что страх тебя объял, как будто потерял полжизни.

БОРХ. Страх был напрасен.

ЭТИКА. Но вот удар... не он лишил тебя ума, чтобы идти в такую даль, не зная, что искать и где?

БОРХ. Это прибавило ума. Удар – звон громкий, свет сквозь грозовые тучи.

ЭТИКА. Тогда ударь меня, чтобы не помнить.

БОРХ. Память сил предаст.

ЭТИКА. Она отнимет силы. Внутри меня создан собор, где спорят варвары с ножами о положениях их права. Ты создал это. Избавь меня.

БОРХ. Только в пути. Нам пора к границе приближаться.

ЭТИКА (плач). Как жесток отец!

БОРХ. Расскажешь это моим внукам. А нам пора идти!

Она поднимается медленно, вытирает слезы.

ЭТИКА. Не хочу платить за то, что вместо сына я пришла.

БОРХ. У дочерей большое бремя, но сила покоряет все.

Сцена 2

Граница Пифонии.

Страж границы встречает Этику и Борха. В клетках у него сидят три тигра.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Покидаете Пифонию? Зачем бежать от нежной жизни?

БОРХ. У гражданина право есть идти туда, куда он хочет.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. На самом деле нет такого права. Съел дурной травы?

БОРХ. Я Борх. А это Этика. Пифония дает нам силу, право.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. За именами нет никакой силы. Обычно на границе мне приносят дар. Что у тебя есть?

БОРХ. Рыбак способен доставать не только рыб из сети, но и жемчужины с глубин.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Не доставай мне ничего. А вот твоя подруга мне поможет скрасить день. Что скажешь?

БОРХ. Мы вдвоем идем к дорогам.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Куда идете?

ЭТИКА. Фантазиям давать надежду и скармливать наши тела в угоду разной пустоты.

БОРХ. Мы ищем Аурелию.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Золотых людей? Какая ересь.

ЭТИКА. Бери жемчужину и пропускай нас.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Дерзкая сестра, жена, или, быть может, дочь? Хочу тебя я видеть у себя в постели. Иначе не пройти.

БОРХ. Я расплачусь с тобой жемчужиной из рыбы.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Нет.

БОРХ. Есть ли другой способ нам пройти, кроме любви на день?

Страж щупает их обоих.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Твоя дочь или же вы вместе можете помочь забыть эту пустыню, вернуться в райские края.

БОРХ. Я не ложусь с женщиной.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Три тигра – это три самца. Пусть тогда она приляжет с ними, а мы посмотрим. Забав здесь много не бывает.

ЭТИКА (пятится назад). Не будет этого!

СТРАЖ ГРАНИЦЫ (поклон). Я все условия назвал. Решение за вами.

БОРХ. Получить стража одобрение непросто.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Я занесу вас в книгу заблудших. Хранить там свое имя – вот почет.

Страж приносит стул и кормит зверей мясом, садится. Этика наполняется яростью.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Решение к нам подберется. Дело сделку завершит. Зачем бежите из Пифонии?

БОРХ. Считаю гибель скорую всего. Отсчитываем дни, но сами ходим по следам людей золотого века. Найти у них лекарство – вот наша цель.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Природа покарает извращенных? Порок короновал обычай? Сколько слов я слышал такого рода!

ЭТИКА. И что же?

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Пифония стоит. Роза расцветает. Солнце продолжает восходить.

БОРХ. Солнце восходит и над гниющими телами в яме.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Не буду спорить. Я сам когда-то верил в долг и стойкость, закон и справедливость. Но суть вещей нам говорит обратное. Не так ли?

ЭТИКА. Страж охраняет сам границу?

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Я не один. Три тигра здесь и полчища рабов, которые позволят отразить потенциальную атаку.

БОРХ. А где же армия? Молва о грязном шлеме особого металла не прекращает падать на наши мирные головы.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. У армии свои законы. Теперь никто не подчиняется всеобщему закону – каждый государством стал и каждый намеревается вести войну, даже с животным.

БОРХ. Они права дали машинам, собаки заседают во властных палатах, ведь кто-то посчитал, что четвероногое животное несет особый смысл.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Партия восстания об этом говорит. Но Аурелия – другое дело. Я не могу вас пропустить, ведь нет такого царства. И что там за лекарство?

ЭТИКА. Наша семья страдает от болезни общей. Кто их спасет? И это мы.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Наш разговор идет к концу, а там решиться способ уплатить. Не слышал тот, кто хочет пересечь границу, что ждет его дорога-лабиринт. Исход благоприятен? Нет! Дорога устилается острейшими камнями, на которых сон вас навсегда покинет, а значит, и покой.

БОРХ. Оплакиваешь наш исход?

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Беру пример с глупцов, чтоб веселиться. Хотел бы видеть ваш конец, но сделку нужно завершить.

ЭТИКА. Сейчас судьба предоставляет шанс пойти тебе иной дорогой и совершить гражданственное дело – нас пропустить без едких извращений.

Страж поднимается в угаре.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Ты здесь меня решила обличить? Новое требование: она отдастся каждому рабу, истлевшему на солнце. Тогда пойдет один из вас. Или же Борх будет для них игрушкой. За дерзость мне здесь погибают скоро, и ветер не успеет о себе напомнить.

БОРХ. В море шторм скажет страшней любого стража у дороги. А дочь моя не будет ни чьей добычей.

СТРАЖ ГРАНИЦЫ. Тогда вы не пройдете. Вернуться – не способны. А тигры голодны.

Этика хватается за нож отца и накалывает глаз стражника. Тот падает, издает крик и засыпает.

ЭТИКА. Яблоко для птиц.

БОРХ. Напоминание о том, что дом наш, Пифония, окунулась в желудок мира и здесь все тлеет, соки растворяют всякие законы.

ЭТИКА. Что делать с ядовитым глазом?

БОРХ. Спрячь в локоны.

ЭТИКА. К нам идут рабы, чтоб растоптать?

БОРХ. Не думаю. Он здесь один, он брошен здесь. Граница не имеет никакой охраны. Первая опасность – герметичность исчезает, чуждые для устоев элементы проникают скрытно.

Этика достает другой глаз.

БОРХ (удивление). Что ты делаешь? Еще один оставь ему.

ЭТИКА. Страж не поднимется. Я слышала, что на дорогах колесят ценители красивых глаз. Не будет ли монетой это?

БОРХ. Твои руки нежны, но грубость рыбака наследуешь прекрасно.

ЭТИКА. Не мешает нам вообразить, что будет, или может быть.

БОРХ. Ты полностью решила следовать за мной? Нет больше скорбей?

Этика прячет глаза стражника в волосы.

ЭТИКА. Я вспомнила ужасный случай, когда к нам в дом пришла поклонница старого культа: прекрасное лицо, изящная фигура. Моя же мать так гнев свой подавляла долго, что дьявольский котел пустил пары. Мне показалось, её кожа стала отделяться от стройного тела и маска зависти и злобы проступила из глубин. Эту несчастную она с подругами тащила в дом за волосы. Они её остригли, изуродовали пол-лица, но, а другую половину приукрасили помадой. Тогда я помню это, и скорби, ужаса я не припомню.

БОРХ. А что же стало с ней?

ЭТИКА. На площади уродливых девиц насиловали многие торговцы. От участи такой уйти не удалось.

Борх становится на одно колено.

БОРХ. Что с нами стало? Кто-то реки отравил? Что стало с моей милой и возлюбленной женой?

ЭТИКА. Вор не пришел, убийца, и насильник не приходят из земель далеких. Они тихо дремлют, культура и закон разносят благовония повсюду. Когда же срок их силы иссякает, то мир свирепо будит всех. Я так больна была среди тех дней, людей и общей пыли, что хочется презреть...

БОРХ. Поэтому нам следует идти. За прошлое не плач. Мы излечить способны близких. Дороги ждут.

ЭТИКА. Как от зверей жестоких будешь защищать меня?

БОРХ. Поймаю в сеть...

ЭТИКА. А если сам себя поймал домислом и полуправдой?

БОРХ. Дочь локоны распустит и мне это напомнит...

Они уходят. Этика открывает клетки. Затемнение.

Сцена 3

Дорога неопределенности.

Борх и Этика встречают Тебруна, портного, катящего ткацкий станок на причудливых колесах.

ТЕБРУН. Скажите мне, что вы восставшие, и я скажу, что я – портной. (Поклон своей машине). Моё почтение.

ЭТИКА. Поклоняешься машине?

ТЕБРУН. Тебрун – служитель.

БОРХ. Одеваешь всех в одежды? Или же нити – это люди?

ТЕБРУН. Без исключения: кого-то облачаю в царские одежды, а кто-то благодарен мне за шляпу конюха.

ЭТИКА. Как долго ходишь? Сколько шьешь?

ТЕБРУН. Подобными вопросами не задаюсь. А время здесь зависит от одежд и нитей свойств. Моя одежда привлекает все и всякое. Но далеко не ткань важна всегда, а тот, кто её носит.

БОРХ. Тогда ты знаешь здешние места. Кто строил все эти дороги и где наш путь?

Тебрун запускает механизм. Машина шьет.

ТЕБРУН. В Пифонии, насколько наблюдаю по одеждам, утрачено довольно много. И память растворилась в том кувшине, куда мочился мира господин и брат – хаос. Мальчишкой был и помнил я Пифонию великим государством. Сейчас мир принял все в этой стране за свой желудок. Испражнения его не так вам очевидны, поэтому ребенок примет нечто за прекрасный фрукт.

ЭТИКА. Где мы, куда идем?

ТЕБРУН. Здешние места никак не обойду. Однако знаю, что вас ждет. Эти дороги возникли тяжело. Они предполагают, что каждый выходящий за пределы и восставший нуждается в новой одежде. Её вам обеспечу я. От этого зависит привлекательность событий, их род, число, смещение и сила.

БОРХ. Чем плохи наши одеяния?

ТЕБРУН. Наивностью и простотой. Вас примут за добычу, и так и будет. Немногим удалось покинуть границы в это время и каждый узнает, что многие дороги возникали рабской и кровавой силой. Когда наши предки достигли небывалого могущества – воздвигли горы до небес. Но как пришел момент отдать, что было взято, миру, то молот сокрушил все горы, камни сыпались, их ветер разносил. Рабы укладывали их в дороги, рассказывая своим детям, как молот века сокрушил, как всем казалось, непреступную скалу. Одежда здесь необходима.

ЭТИКА. А кто отказывался от твоих одежд?

ТЕБРУН. Они растоптаны, дороги их забрали и целей не достигли, ни один. Но в вас решимости, я полагаю, больше накопилось. А с ней и ум, чтобы принять слова?

БОРХ. Я Борх. Со мной шагает дочь.

ЭТИКА. Этика.

ТЕБРУН. Ответ предполагает – да. Тебрун – имя это сам избрал.

БОРХ. Что есть одежды?

Ткач устанавливает свойство ткани, измеряет их тела.

ТЕБРУН. Представления о мире. И вам придется их избрать. Они есть отношение, оптические линзы, координаты, зеркала. Какую примите одежду, такой же стороной к вам мир и повернется.

БОРХ. Так ты служитель мира?

ТЕБРУН. Тех его сторон и свойств, которые приносят равновесие.

ЭТИКА. Сам для себя не шьешь?

ТЕБРУН. Я принимаю все одежды, и в то же время ни одну. Машина эта – чудо инженера. Здесь многое осталось после падения цивилизаций. И это чудо – прошлого намек.

БОРХ. Где Аурелия могла бы находиться? Твой глаз не видел золотых людей?

ТЕБРУН. Конечно, видел. И многих я не распознал. Они умеют прятаться, ведь хищные судилища уродливых властей не устают искать те самые зачатки, которые им бросят вызов. Однажды, я надеюсь.

БОРХ. Ты собиратель и хранитель представлений. Мироустройство говорит с тобой?

ТЕБРУН. Сейчас же говорит – я встретил вас. Отец и дочь идут искать страну Аурелию? Зачем?

БОРХ. Нельзя же в стороне стоять и видеть харкающих гноем принцев и принцесс. А близкие нуждаются в очищающем лекарстве.

ТЕБРУН. Тяжкая судьба... такое дело рождается в тяжелом напряжении, падением в низины. Мир будет охотиться за вами.

ЭТИКА. Зачем ты нас пугаешь?

ТЕБРУН. Пытаюсь вам помочь.

БОРХ. Не знаешь ничего, какое представление правдиво, а какое ложно?

ТЕБРУН. Не смею знать. Мой род занятий – одарять.

ЭТИКА. Сказочник! Так говоришь, что здесь принять я вынуждена взгляд на то, что с нами происходит. Так не бывает.

ТЕБРУН. В дальнейшем вспомните мои слова. Вы принимаете и отвергаете. Но то, что я скажу и сколько, вам это нужно. По вашему случаю и природным наклонностям даю вам три первоначальных образа. За выбор отвечает каждый. Каждый сам решает для себя.

БОРХ. Дороги наши могут разойтись, если два разных представления принять?

ТЕБРУН. Зависит все от цели, веры, действий и многих тонкостей. Восставших я встречаю редко. Про Аурелию не знаю. А знал бы – умолчал.

ЭТИКА. Но почему?

ТЕБРУН. Нас слышит мир. Когда так просто достаются ценные маршруты, не заплатив сполна, то ложь станцует вокруг нас, и Аурелия переместит свои положения в другое место. Мир движется, и убегает, и настигает, преследует и одаряет.

ЭТИКА. Машина уловила суть? Как долго ждать?

ТЕБРУН. Обычно происходит быстро. Как только одеяние готово, оно мне даст намек, какой избрать...

Этика тревожится.

ЭТИКА. Отец, от этого портного веет западней. Пойдем отсюда.

ТЕБРУН. Вы принялись играть в игру. Благоразумие играло вместе с нами. А где оно теперь? Куда же затаилось в женской голове?

БОРХ. Этика, он может нам помочь.

ЭТИКА. Не видишь ты свою наивность...

ТЕБРУН. Из уважения к любым восставшим против мира, я трачу ткань, а ткани нынче стоят несколько голов.

ЭТИКА. Так ты палач!

ТЕБРУН (поклон). Все нити – это все моё наследство. Расценки знаю точно – несколько голов.

БОРХ. Откуда пришел? Мне кажешься у партии был прихвостнем.

ТЕБРУН. Какой же партии? Их наплодилось, словно вшей.

БОРХ. Всем ненавистное начало – партия охранителей. Мне видятся манеры, которые адепты секты применяли к простодушным.

ТЕБРУН. Одно из удивительных вещей – мир старый рухнул, но вот манеры живы в душах. Число ничтожно их, но все равно встречаешь на дорогах.

ЭТИКА. Они восставшие, как мы?

ТЕБРУН. Когда-то были, но превращались шаг за шагом в лабиринте. Всякий восставший будет иметь дело с Избранниками Трона. Куда бы ни пошел – их власть повсюду: где-то очевидна, а где-то, словно тень от воробья. Партия восстания и партия охранителей суть образы и простота для томных. Так говорят, что между ними продолжается борьба и все замешаны, рождаясь здесь. Мать рождает сына, он выползает из утробы, а нить уже к ноге привязана и некуда деваться: война двух партий всех затронет, и этого мальчишку, вдохнувшего копоти земной, потащит прямиком в горнило схватки, чтоб он пополнил армию одной из партий. Все это бросьте, что сказал – коварный план, его пути и способы поймать небдительного простака.

ЭТИКА. И кто они такие? Кого и как избрал злосчастный трон?

ТЕБРУН (улыбка хитрости). Я просто ткач.

ЭТИКА. И лжец к тому же. Не кланяйся, все здесь игра.

ТЕБРУН. Не лгу, но говорю я так, что временно могу поймать луч правды. И путникам сказать. Игра моя здесь может быть, но ей руководит намеренье правдивое.

БОРХ. Нет страха перед ними. Скажи о мире ценность.

ТЕБРУН (поклон). Как пожелаете. Машина завершила дело.

Тебрун вытаскивает одежды, отдает.

ТЕБРУН. Три пути, три образа, три ветви следствий. Разделяющая грань, которая оттенки придает тому, что видит глаз. Мир можем вообразить как старика и молодого в преображении едином: за день меняет облики, и старик плодит уродства, а молодость все обновляет. Старик животворящий фаллос спрятал в лабиринте. Уродства наделяет формами и направляет всюду, чтоб сам, когда все обновится, уродства эти возратить назад. Таков вам первый образ мира.

ЭТИКА. Примерно и доходчиво.

ТЕБРУН. Второй же образ есть застолье. Все элементы пира – все есть мир. Эпохи, времена есть гости. Одни садятся, спорят, отравляют и делятся на тех, кто созидает, разрушает и равновесия возводит мост. Сам стол – наше пространство-время. Обьедки падают на стол – то наши беды или благо. Застолье длится вечно. Вот вам другой прообраз.

БОРХ. А что еще? Каким увидел третий образ?

ТЕБРУН. Корабль в море. Кормчий слеп, а его руки связаны, подчинены единой нити с моря, облака и горизонта. На корабле цветет и упадок терпит дерево, питающее корни от всех существ, что есть внизу, ведущие борьбу и разделяющие мир, чтобы начать войну. Все в море, но единства нет. Плоды ест только тот, кто к кормчему забрался.

БОРХ. И что он получает в лодке, поедая те плоды?

ТЕБРУН. Господство и бессмертие.

БОРХ. Но дерево терпит упадок.

ТЕБРУН. Во времена расцвета власть облака преобладает. Нет разницы, если знаешь уже вкус, придет упадок и когда.

ЭТИКА. Все здесь неясно. На это полагаться, когда голодные шагают близко и мечтают кости обглодать? Как это представление нас защитит?

ТЕБРУН. На этом строится все прочее. Вашей природе образы эти будут помощниками в деле.

БОРХ. Что первый образ может рыбаку сказать? Фаллос наплодил уродства, и мы страдаем. Не это ли причина нашего исхода? Этика, как ты видишь?

ЭТИКА. Страдаю я. Стоим здесь на дороге, прядем большие пряди слов, тогда как нужно двигаться вперед. Этот портной над нами потешается.

ТЕБРУН. Мир можно оскопить и прекратить уродства.

ЭТИКА. Придумал это ты? Слова философа?

ТЕБРУН. Спасти таким путем весь мир? Не знаю. Помочь вашей семье – возможно. Оскопление уродства – не это ли лекарство, заставляющее яд из крови мира вытеснять?

ЭТИКА (тащит отца). Пойдем отсюда.

БОРХ. А если существует серп, который может стать в моих руках грозным серпом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.